



Экран и сцена -  
2001 - июнь (№22) - 416

Роман КОЗАК:

# «Артист — существо пробуждающееся»

— Не так давно вы стали художественным руководителем московского театра имени А.С.Пушкина. Вас с этим назначением надо поздравлять или соболезновать?

— Вы не оригинальны. Многие подходят с этой дежурной шуткой. Я в свою очередь отвечаю дежурной фразой: "Поздравьте, потом немного пособлезнуйте и снова поздравьте. И так, пока не надоест".

— Если серьезно, не помещают ли новые обязанности творческой жизни?

— Если бы я не отдавал себе отчет в том, что меня ждет, то не решился бы на этот поступок. Наверное, новые проблемы будут сказываться на творчестве, но я надеюсь с ними совладать.

— Где-то в прессе промелькнула якобы сказанная вами в то время, когда вы руководили театром Станиславского, фраза, что только десять человек из этого театра имеют право выходить на сцену.

— Это чудовищная ложь! Не знаю, откуда она появилась. Я никогда этого не говорил. Прочитав об этом, я тут же хотел позвонить директору театра Станиславского Феликсу Демичеву и опровергнуть эту дезинформацию.

— Будем считать, что сейчас вы это сделали. Но вернемся к сегодняшнему дню. Все ли вас устраивает сейчас в театре имени Пушкина. Например, количество и "качество" актеров?

— Я только сейчас начинаю знакомиться с людьми. Ведь мне здесь удалось поставить только один спектакль по пьесе Пиранделло "Обнаженные одеваются". Но там занято всего пять актеров театра Пушкина из сорока семи. Это не значит, что всех остальных артистов я вообще не знаю. Многих я видел и в кино, и в театре. Но многих не знаю. Поэтому для того, чтобы всерьез отвечать на этот вопрос, я должен познакомиться с труппой. Но в любом случае все решает работа. Актер ведь существо пробуждающееся. И одновременно — засыпающее. Если есть повод к пробуждению, он сделает это и заиграет так, как никогда не играл. Он "завучит", и все увидят, что это Артист. Многие зависит от идей, целей и задач, которые будут поставлены.

— И какие же цели и задачи вы намерены поставить перед артистами?

— Задача простая: в этом театре должны выходить хорошие спектакли. Театр надо вывести из второсортного разряда и создать в нем место театральных событий. Это зависит не только от труппы, не только от меня, но и от режиссеров, которых я буду приглашать. Я ведь не собираюсь занимать здесь все режиссерское "пространство".

— Кто же его будет занимать, кроме вас?

— Не буду сейчас говорить об этом. Я ведь только начал вести переговоры. Вот назову фамилию, а вдруг дело не сладится! Будет неудобно. Но по правде сказать, какие-то новые фамилии назвать трудно. "Колода" ведь маленькая, и ее тасуют все. Она всем известна. Но есть еще филиал театра в Сытинском переулке. Замечатель-

ное место! Оно должно стать полигоном для театральных опытов, открытия новых театральных имен. Сейчас, например, у Петра Фоменко выпускается очень интересный режиссерский курс в РАТИ, надо смотреть работы режиссеров в Дебют-центре, а также в Центре современной драматургии и режиссуры А.Казанцева и М.Рощина. Надо понимать, что в XXI веке театром движут не имена, а таланты. В основном режиссерские. Режиссерское направление определяет развитие театра. В каком-то смысле — "к сожалению". Ибо для меня актерское искусство — приоритет в театре. И это очень серьезная проблема сегодня.

— Будет ли сцена в Сытинском переулке местом проведения фестивалей, подобных "Театральной площади"?

— Я бы очень хотел, чтобы открытие новых имен происходило в рамках нашего театра. Работы молодых режиссеров должны стать составной частью репертуара театра имени Пушкина. Идея "Открытой площадки" мне не совсем близка. Она, наверное, логична и актуальна на сегодняшний день, но мне бы не хотелось, чтобы она реализовывалась на базе нашей сцены. Думаю, что рано или поздно власти найдут место для таких площадок в Москве.

— Вы заговорили о режиссерском направлении в современном театре. Логичным был бы вопрос, какое направление представляет режиссер Роман Козак?

— Я мхатовец по рождению. И по убеждению. И не боюсь этих высоких слов. Я могу заниматься только тем, что когда-то сформулировали великие "безумцы" — жизнью человеческого духа. Другое дело, что эта идея многолика и многообразна и сегодня может проявляться в самых разных формах.

— Мне кажется, что именно форма некоторых ваших последних работ не совсем вписывалась во мхатовскую коллею, например, спектакль "Самое главное"...

— Он не совсем вписывается в афишу. Рядом с теми именами, что на ней присутствуют в настоящее время, Евреинов — белая ворона. Но это только внешняя "невписываемость". А по сути, я не вижу никаких противоречий. И Олег Николаевич Ефремов (Царство ему небесное) успел убедиться в этом и признал право этого спектакля на жизнь во МХАТе.

— Преемники Олега Николаевича это тоже признают?

— Все мои спектакли во МХАТе идут до сих пор: и тот, о котором шла речь выше, и "Женитьба", и "Лесная песня". Мои спектакли как раз и не сняты с репертуара, чего не скажешь о многих других. Но причиной являются не только симпатии Олега Павловича ко мне. (Мне



хотелось бы верить, что они существуют). Причина еще и в том, что, например, "Женитьба" собирает полные залы, а Олег Павлович считает кассовые показатели одним из критериев, по которым определяется присутствие спектакля в афише.

— А как вы, в свою очередь, собираетесь поступать с афишей театра имени Пушкина?

— Я только недавно начал знакомиться с репертуаром. Он оказался весьма пестрым. Какая-то его часть построена на ширпотребовских, бульварных вкусах. Другая часть не имеет в своей основе никаких вкусов вообще. Какие-то спектакли при доработке могут зазвучать по-иному и остаться в репертуаре. Есть старые спектакли, которые безусловно требуют замены. Другие необходимо снять по причине профнепригодности, причем — неисправимой.

— Не вызовут ли возможные "репрессивные меры" недовольства и ропота актеров?

— Это не репрессивные меры. Боже упаси. Думаю, актеры будут только счастливы, если уйдут в небытие и заменятся спектакли, которые им "обрыдли".

— А какие виды у вас есть на новый репертуар?

— Сейчас я с утра до вечера занимаюсь только этим. Безумно много читаю и пытаюсь сложить для себя творческую программу. Свою концепцию я сейчас, "с лету" выразить не смогу, пусть это сделают критики. Но ее суть, повторяю, в создании театрального события. Это может быть и открытие новых граней в актерском искусстве, и в режиссерском, и в сценографическом. Причем событийность театрального процесса должна иметь в своей основе не коммерческую, а культурологическую основу. Хотя в идеале эти основы должны совпадать.

— От своей фразы: "Театр — это сектантское дело", — вы, надеюсь, не откажетесь? Вы говорили так?

— Да, говорил.

— В вашей "секте" всегда присутствовали несколько постоянных членов, ныне вполне благополучных и даже знаменитых. Собираетесь ли вы их привлекать для работы в театре имени Пушкина?

— Ну, а как же?! Куда я денусь без них! Это мои коллеги и друзья. Но это не будет в ущерб тому, что есть. Это будет лишь дополнение. Когда я почувствую в этом надобность, то обязательно обращусь к друзьям.

— Поскольку мы заговорили о "секте", то не могу не вспомнить, что вы были одним из зачинателей студийного движения. Но в одной из статей о вас промелькнула фраза: "Время романтики полуподвалов прошло!" Вы с этим согласны?

— Отчасти согласен. Время романтики точно прошло. Время изменилось в сторону цинизма, в сторону саркастического отношения к бескорыстному труду на почве искусства. Сейчас иногда посмеиваются: "Ты что, по ночам собираешься репетировать?" Но я убежден, что искусство держится на безумцах. (А уж драматическое искусство — самое нищее, самое последнее — тем более). И в каком бы состоянии ни пребывал театр, его двигателем всегда будут бескорыстные, "сумасшедшие" люди. Никогда коммерческие идеи не являлись двигателем искусства. При этом я убежден, что строить театр надо на успехе. Но этот успех должен быть творческим.

— Роман, я думаю, что как бы вы ни выросли, как бы ни развивалась ваша карье-

ра, ваше имя всегда будет ассоциироваться с блистательными студийными спектаклями "Эмигранты" и "Чинзано". Есть ли надежда, что они будут восстановлены и их удивительная жизнь продолжится?

— Время от времени мы вспоминаем "Чинзано" и играем его как наш подарок и дань уважения замечательному театру и Людмиле Романовне Рошковой. Это для нас ностальгическое удовольствие: собраться раз в три месяца и сыграть спектакль.

— С "Чинзано" выяснили. А "Эмигранты"?

— Здесь сложнее. В мае не смог играть Феклистов. Он теперь, как принято говорить, "медийный" артист и очень востребован на разных континентах. Подождем его возвращения. В принципе он хочет играть.

— Есть ли надежда, что, несмотря на окончание эры "романтики полуподвалов", вы как-нибудь ночью спуститесь в подвал и создадите что-то вроде этих двух шедевров?

— А зачем в подвал-то уходить?! Теперь есть для этого место, слава Богу. Есть большая сцена, есть филиал. Если для искусства понадобится ночь, проведем и ее здесь. Специально искать полуподвал не надо.

— Собираетесь ли вы выходить на сцену в качестве актера в каких-то новых спектаклях?

— Посмотрим.

— Мне кажется, что вы не так часто, как могли бы, работали в тандеме со своей супругой Аллой Сигаловой. Есть ли планы совместной деятельности на новом месте?

— Мы сделали вместе не так уж мало: "Банан" Мрожека в Москве, а также три спектакля в Риге — "Пляска смерти" Стриндберга, "Отелло" и "Бабочка-бабочка". А что касается планов, то не исключено, что в первом же спектакле, над которым я буду здесь работать, мне понадобится участие Аллы.

— Слышал, что вы собираетесь возродить память Александра Таирова и его театра? Это будет какая-то единовременная акция или целая программа?

— Это станет одним из основополагающих моментов моей творческой программы. Я сделаю все, чтобы отдать дань памяти великому человеку, который основал этот театр. Моя инициатива уже нашла поддержку в правительстве Москвы, в частности, в Главном управлении культуры. Я надеюсь, что нам помогут открыть мемориальную доску на фасаде театра. Это — первый шаг в логичном и естественном процессе, который будет включать в себя ряд других направлений, в частности, таировские чтения. Есть масса неизvestных доселе материалов, связанных с творчеством Таирова и Алисы Коноен. Да и всего театра, который был так безобразно уничтожен. Если мне удастся реализовать задуманное, одно это уже оправдывает мой приход сюда.

Беседовал  
Павел ПОДКЛАДОВ

Козак Роман

272